

ВОЛКОВ Юрий Григорьевич — доктор философских наук, профессор; научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; infoirppk@sfedu.ru); заслуженный деятель науки РФ

ДЕНИСОВА Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор; профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, denigs@aaanet.ru)

ЛУБСКИЙ Анатолий Владимирович — доктор философских наук, профессор; профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160; n_lav@mail.ru)

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Регулирование межэтнических отношений в современной России предполагает переход к ценностной политике, опирающейся на диалог представителей органов государственной и муниципальной власти, этнических групп и национальных сообществ. Социологический анализ региональных практик управления, связанных с реализацией Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации до 2025 года, позволяет сделать вывод, что управленческая деятельность в сфере межэтнических отношений носит «реактивный» и декларативный характер. Кроме того, сохраняются стереотипные представления о том, что развитие этнических культур будет способствовать ослаблению государственно-гражданской идентичности и усилению межэтнической напряженности.

Ключевые слова: межэтнические отношения, ценностная политика, региональные практики управления, административная модель национальной политики, коммуникативная модель национальной политики

В российском обществе в условиях сохранения факторов межэтнической напряженности и усиления миграционных потоков остро стоит проблема повышения эффективности государственной политики в сфере межэтнических отношений. В 90-х гг. прошлого века эта политика, базировавшаяся как на практиках легального принуждения, так и на легитимных практиках согласия, носила преимущественно административный характер, направленный на снижение межэтнической конфликтности и преодоление сепаратистских тенденций в стране. В настоящее время перед этой политикой стоят новые задачи, связанные, прежде всего, с национальной интеграцией и консолидацией полиэтнического российского общества. Отсюда появилась потребность в новых парадигмальных основаниях государственной политики в сфере межэтнических отношений в современной России. В связи с этим сегодня наметился переход от административной политики в этой сфере к коммуникативной, предполагающей расширение диалогового пространства межэтнических отношений, усиление роли всех субъектов национальной политики как в ходе принятия ее доктринальных оснований, так и в процессе ее реализации на региональном и муниципальном уровнях.

В рамках такого перехода особую актуальность в настоящее время приобретает ценностная политика в сфере межэтнических отношений. Интерес к такого рода политике в сфере государственного управления, возникший в середине 1990-х гг. [Moore 1995], был связан с критикой в западных странах теории «нового государственного менеджмента» в рамках аксиологического поворота в государствен-

ном управлении. Этот поворот, акцентировавший внимание на необходимости расширения взаимодействия системы государственного управления с гражданским обществом, сопровождался формированием концепции «менеджмента публичных ценностей». Основу этой концепции составляет идея о том, что ни государство само по себе, ни гражданское общество в отрыве от государства не способны создать эффективный механизм для решения общественных проблем. Поэтому государство, предлагая стратегию развития, должно согласовывать с обществом систему базовых ценностей [Dunleavy et al. 2006: 467; Kilburn 2009; Witesman, Walters 2013].

В связи с этим среди российских ученых обнаружился интерес к изучению принципов ценностной политики в зарубежных странах, в т.ч. и в сфере межэтнических отношений [Ценностная политика... 2015], а также к возможности использования этих принципов в сфере государственного управления в России [Волкова 2013; Коровникова 2013]. В научной литературе уже рассматривались отдельные аспекты ценностной политики в сфере межэтнических отношений в современном российском обществе, прежде всего как средства гармонизации этих отношений [Денисова 2016] и формирования интегративных ценностей в рамках реализации различных проектов нациестроительства [Лубский, Посухова 2016]. Однако формирование ценностной политики и региональных практик управления в сфере межэтнических отношений в современной России еще не стало предметом специальных социологических исследований.

В качестве идеальных типов национальной политики как управленческой деятельности в сфере межэтнических отношений можно выделить ее административную и коммуникативную модели. В рамках административной модели, актором которой является государство, регулирующее этнические взаимодействия «сверху», доминируют институциональные практики принуждения или согласия. Институциональные практики принуждения представляют собой различные репертуары легального насилия органов государственной власти с помощью соответствующих правовых институтов. Однако использование институциональных практик принуждения в сфере межэтнических отношений в настоящее время становится все более проблематичным, особенно в условиях информационного общества, создающего большие возможности для солидаризации этнических групп. Поэтому институциональные практики принуждения в этой сфере являются эффективными лишь в критических ситуациях, когда требуется принятие управленческих решений, направленных на быструю мобилизацию силовых и информационных ресурсов государства. В связи с этим институциональные практики принуждения в сфере межэтнических отношений сегодня должны носить не только легальный, но и легитимный характер. В силу этого расширяется опора административной модели национальной политики, которая теперь включает не только управленческие практики принуждения, но и практики согласия, которые опираются на легитимацию со стороны большинства национального сообщества и поддержку различных этнических групп.

Коммуникативная модель национальной политики, акторами которой наряду с государством выступают граждане, базируется на институциональных практиках солидарности. В полиэтнических государствах практики солидарности, с одной стороны, позволяют различным этническим группам сохранять свою этнокультурную самобытность, а с другой — предполагают, что эти группы интегрируются в национальные сообщества на базе определенных общенациональных ценностей. В этом плане ценностная политика как особый вид управленческой деятельности, направленной на регуляцию этнических взаимодействий, должна опираться на публичные ценности, т.е. такие, по поводу которых в национальном сообществе существует ценностный консенсус. Если же такого консенсуса

нет, то основная задача ценностной политики состоит в формировании с помощью символического капитала власти публичных ценностей в диалоге государства, гражданских организаций и этнических сообществ.

В связи с этим специалисты в области государственного управления для обеспечения ценностной политики должны быть способными идентифицировать и обосновывать соответствующие публичные ценности в сфере межэтнических отношений. Кроме того, они должны обладать также способностью разрешать ценностные конфликты, предотвращая в обществах со сложной этнокультурной структурой «ценностный провал» [Ценностная политика... 2015: 86-195]. Кроме того, цели и задачи ценностной политики в сфере межэтнических отношений должны проходить предварительную апробацию как на уровне экспертного сообщества и гражданской общественности, так и на уровне различных этнических групп.

Начало формированию ценностной политики в сфере межэтнических отношений в современной России положила разработка доктринальных оснований их государственного регулирования. В контексте задач, связанных с интеграцией российского общества, разработка этих основ требовала согласования государственной стратегии в этой сфере с региональными органами власти, политическими, общественными и этническими организациями, представителями научных и экспертных сообществ.

В рамках разработки доктринальных оснований необходимо было прежде всего достичь консенсуса по поводу представлений о «природе» этноса, т.е. рассмотрения его или с позиций примордиализма – как реальной социальной группы, или конструктивизма – как конструируемой культурной общности. В советский период в понимании природы этноса доминировал примордиалистский подход, сопровождавшийся утверждением в политической практике этнотерриториального принципа построения федеративного государства. Этот подход определял также выбор такой стратегии в сфере регулирования межэтнических отношений, которая была нацелена в первую очередь на достижение этносами высокого уровня социально-экономического и политического развития. Непредвиденным следствием этой стратегии стало создание условий для превращения этносов в этнонации и, соответственно, активизации политической субъектности национальных элит, стремившихся к усилению этнонациональной государственности, предполагавшей совпадение территориально-политических границ с территориально-историческими границами расселения этносов [Тишков 2001: 33-34]. Трактовка этносов с позиций конструктивизма определяет выбор другой стратегии в сфере регулирования межэтнических отношений, которая, акцентируя внимание не на социально-экономическом и политическом, а культурном их развитии, предполагает отказ от признания политической субъектности этнических групп.

В 1996 г. была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации¹, ставшая, как отмечают исследователи, результатом согласования федеральным правительством базовых ее принципов с субъектами федерации, комитетами Государственной думы РФ и общественными организациями [Зорин 2003: 122-124]. В Концепции уточнялось содержание основных понятий, которые использовались для описания и регулирования межэтнических отношений («нация», «народ», «этнокультурная общность», «самоопределение», «экстerrиториальная национально-культурная автономия»), а также выдвигались некоторые ограничители, препятствующие возникновению в РФ этнократии [Тишков 2001]. В.Ю. Зорин, бывший в 90-х гг. председателем Комитета по

¹ Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9571>

делам национальностей Государственной думы РФ и непосредственным участником процесса согласования целей национальной политики, отмечает, что эта политика «в целом была направлена на формирование в обществе понимания того, что основная форма самоопределения – это право представителей всех этносов участвовать в общегосударственном механизме власти для отстаивания своих интересов и развития своей культуры» [Зорин 2003: 128].

В основу государственной национальной политики были заложены также принципы, имеющие ценностное измерение: равноправие всех субъектов федерации по отношению к федеральной власти; отказ субъектов федерации от исключительных возможностей контроля над территорией, институтами власти и природными ресурсами; согласование принятия ключевых решений с учетом интересов различных этнических групп; признание статуса государствообразующих за всеми этническими группами; обеспечение равных прав всем этническим группам на культурное развитие, включая право на сохранение родного языка и культурную автономию. Таким образом, главным результатом ценностного консенсуса между федеральной властью и представителями этнических сообществ по поводу содержания национальной политики в России стало согласие всех политических акторов с необходимостью деполитизации этносов и расширения условий для самоорганизации этнической жизни [Губогло 2000: 184].

Укрепление российской государственности и ослабление дезинтеграционных процессов в обществе обусловили поворот в государственной национальной политике, основные принципы и ценностные ориентиры которого были сформулированы в предвыборной программе В.В. Путина и исходили из необходимости сохранения территориального единства страны. В этой программе акценты делались на признании, во-первых, многонациональной основы этого единства; во-вторых, интегрирующей роли русского народа; в-третьих, важности сохранения и поддержки культур народов России. В качестве консолидирующей российской общество была выдвинута установка на формирование патриотизма средствами образования, искусства, телевидения и средств массовой информации¹. Основные положения этой программы в области национальной политики, реализация которой предполагала совместную деятельность органов государственной власти, общественных организаций, представителей этнических и религиозных организаций, прошли обсуждение на различных общественных форумах, в экспертных сообществах на федеральном и региональном уровнях.

В июне 2012 г. президент России подписал указ «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям»². В состав Совета вошли представители органов государственного управления, научного сообщества, лидеры общественных организаций, в т.ч. и национально-культурных автономий. На региональном уровне также были созданы общественные консультативные советы по межнациональным и религиозным отношениям. В рамках Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям была создана рабочая группа по разработке Стратегии государственной национальной политики, проект которой обсуждался во всех субъектах федерации на уровне диалога экспертов, общественных активистов, лидеров диаспор и этнических общин, представителей традиционных конфессий. По результатам обсуждения в проект было внесено более 3,5 тыс. поправок [Зорин, Аствацатурова 2014: 16].

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос. – *Независимая газета*. 23.01.2012. Доступ: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

² Указ Президента РФ от 05.06.2012 N 776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям». Доступ: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102157067>

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года была утверждена указом Президента РФ в декабре 2012 г.¹ В плане реализации этой стратегии в августе 2013 г. была принята федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»². Ценностная направленность Стратегии государственной национальной политики, связанная с укреплением единства российской нации и этнокультурным развитием народов России, базируется, как отмечают исследователи, на идее достижения «консенсуса в том, что этническое самоопределение на групповом уровне ни в коей мере не должно покушаться на целостность и единство государства, а на уровне личности – на гражданскую идентичность лиц, вне зависимости от их этнической принадлежности» [Зорин, Аствацатурова 2014: 21].

Реализация Стратегии государственной национальной политики, основные цели, направления и ценности которой были выработаны в процессе общественных дискуссий, предполагает согласованность деятельности федеральных и региональных органов власти, включая органы местного самоуправления. В связи с этим во всех субъектах РФ были приняты собственные программы. В частности, в государственную программу Ростовской области «Региональная политика», утвержденную в 2013 г., была включена подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межэтнических отношений в Ростовской области»³.

В реализации Стратегии национальной политики в регионах большую роль играют не только региональные, но и муниципальные органы власти, которые, руководствуясь принципами и ценностями, заложенными в нормативных актах федерального центра и регионального законодательства, должны учитывать этнокультурную специфику локальных сообществ [Волков, Денисова, Лубский 2016а].

Для выявления степени адекватности понимания этих принципов и ценностей в Ростовской обл. был проведен социологический опрос заместителей глав администраций сельских районов, в ведении которых находятся вопросы межнациональных отношений и казачества. Следует отметить, что именно в ряде сельских районов области, обладающих повышенным этноконфликтным потенциалом, в последние десятилетия наблюдались локальные межэтнические конфликты [Денисова, Клименко 2012]. Всего было опрошено 39 заместителей глав администраций сельских районов, которые по опыту работы в системе управления разделились на группы: до 1 года работают 18,9%, от 1 года до 5 лет – 29,7%, от 6 до 10 лет – 16,2%, свыше 10 лет – 35,1%. Инструментарий опроса включал три раздела: оценку характера межэтнических отношений в области и в районе; выявление понимания основных целей и смысла национальной политики; оценку эффективности практик гармонизации межэтнических отношений в Ростовской обл.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что состояние межэтнических отношений в Ростовской обл. управленцами муниципального уровня оценивается в целом положительно: большинство респондентов (76,9%) отмечают сохране-

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Доступ: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>

² Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”». Доступ: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

³ Постановление Правительства Ростовской области от 12.03.2015 № 176 «О внесении изменений в постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 602». Доступ: <http://www.donland.ru/documents/O-vnesenii-izmenenijj-v-postanovlenie-Pravitelstva-Rostovskojj-oblasti-ot-25092013--602?pageid=128483&mid=134977&itemId=315>

ние в последние 2 года в области стабильности и контролируемости межэтнической ситуации, а 8% — ее улучшение. При этом 56,4% управленцев отмечают, что эти отношения носят спокойный характер и при взаимодействиях люди не обращают внимание на этническую принадлежность друг друга. Однако, как считают 25,6% респондентов, люди предпочитают общаться преимущественно с представителями своей этнической группы. В сельских районах области степень напряженности выше: 10,3% управленцев отмечают некоторую напряженность во взаимодействиях представителей различных этнических групп, 5,1% считают, что эти взаимодействия носят конфликтный характер, треть респондентов обращают внимание на то, что общение в своей этнической группе является предпочтительным.

Основными источниками этнической напряженности, сохраняющимися на протяжении последних лет в сельской местности, как показал опрос, являются: вызывающие формы бытового повседневного поведения молодежи, на которые указывают 76,9% респондентов; сезонный приток мигрантов, нарушающих привычный уклад жизни (23,1%); конкуренция (соперничество) за землю между представителями разных этнических групп (20,5%); рост криминогенной обстановки, вызванный приезжими (20,5%). Сохраняются и традиционные для области потенциальные субъекты конфликтогенности: 46,2% респондентов указывают на некоторых представителей республик Северного Кавказа, 20,5% — на представителей республик Закавказья.

При доминировании объективных факторов, способствующих возникновению межэтнической напряженности, респонденты отмечают и субъективные, такие как ошибки в работе правоохранительных органов (28,2%), недостаточное внимание органов власти к межэтническим отношениям (15,4%), низкая компетентность государственных и муниципальных служащих (10,3%).

Опрос позволил выявить также представления управленцев нижнего звена о целях национальной политики. Так, только 48,7% из них усматривают ее цель в «формировании гражданской нации на основе русской культуры при сохранении культур всех народов России», что в целом соответствует ее федеральной стратегии. Однако 35,9% управленцев считают, что цель национальной политики заключается в установлении «правил игр» и поддержании баланса интересов при взаимодействии представителей различных этнических групп. Еще 17,9% видят эту цель в оптимизации государственного управления этническими отношениями в различных регионах России, исходя из необходимости предоставления широкой автономии этническим группам. Иными словами, около половины служащих муниципального уровня, профессионально занимающихся этническими проблемами в сельских районах, не распредметили цели государственной национальной политики, рассматривая межэтнические отношения сквозь призму межгрупповых взаимодействий. В частности, особенность реализуемой в регионе государственной национальной политики 46,2% опрошенных усматривают в поддержке интересов казачества как этносоциальной группы, исторически проживающей на территории Ростовской обл.

Социологический опрос управленцев показал, что в сфере межэтнических отношений чиновники регионального уровня ориентируются прежде всего на «реактивный» тип политики: 47,4% респондентов считают, что решения в области в этой сфере принимаются по мере возникновения конфликтных ситуаций.

В механизме реализации государственной национальной политики особое значение придается организации мониторинга межэтнических отношений в регионах, который является важным компонентом в принятии управленческих решений на этом уровне. Согласно опросу, в Ростовской обл. только половина

управленцев в сельских районах регулярно отслеживают характер межэтнических отношений и составляют соответствующие аналитические справки для областного правительства. Другая часть участников опроса мониторинг не организует, считая, что проблемы межэтнического взаимодействия в их районах — крайне редкое явление, и поэтому связь с руководством области по этим проблемам осуществляется только по мере их возникновения. При этом 12,8% управленцев указывают на то, что возникающие проблемы они стараются решать на местах, без привлечения внимания руководства области.

Возможно, такая «реактивная» управленческая политика в сфере межэтнических отношений сказывается на эффективности действий областного правительства при возникновении конфликтных ситуаций. Только 48,7% респондентов отмечают эффективность действий правительства области, в т.ч. и с точки зрения оперативного привлечения к разрешению ситуации всех заинтересованных сторон; 33,3% управленцев, обращая внимание на недостаточную эффективность этих действий, считают, что они следуют за событиями, вследствие чего административное вмешательство в ситуациях, связанных с эскалацией межэтнической напряженности, запаздывает.

Интерес вызывает также оценка деятельности различных органов власти и других акторов в сфере регулирования межэтнических отношений и профилактики межэтнической напряженности. Около 80% респондентов оценивают деятельность губернатора и правительства Ростовской обл. в этих сферах как эффективную, 64,1% отмечают также эффективность деятельности администрации районов и городов и общеобразовательных организаций. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов выглядит скромнее (38,5%). Третья часть респондентов (33,8%) отметили ее малую эффективность, а 20,5% — полную неэффективность. Низко оценивается эффективность деятельности СМИ в сфере профилактики межэтнической напряженности (50%), а также руководителей государственных и частных предприятий (70%).

Заслуживает внимание оценка эффективности сотрудничества управленческих органов и этнокультурных общин. Опрошенные муниципальные служащие считают, что правительство области старается привлекать этнокультурные общины к разработке и реализации государственной национальной политики на региональном уровне. В частности, 46,2% отмечают, что этнокультурные общины участвуют в совместном обсуждении актуальных проблем межэтнических отношений; 23,1% отмечают их роль в организации и проведении различных межкультурных мероприятий (фестивалей, выставок, ярмарок); 20,5% — их участие в урегулировании конфликтных ситуаций. Однако интегрально деятельность этнокультурных общин в сфере профилактики межкультурной напряженности оценивается невысоко: более половины респондентов (56,4%) оценили ее как малоэффективную.

Исходя из обозначенной в Стратегии государственной национальной политики цели, связанной с формированием российской идентичности и интеграции поликультурного населения на базе национально-государственных ценностей и развития этнических культур [Волков, Денисова, Лубский 2016б], в инструментарий опроса были заложены вопросы, выявляющие эффективность управленческой деятельности в этом направлении. Опрос управленцев муниципального уровня зафиксировал противоречивость их позиций по вопросам, связанным с развитием этнических культур. Отмечая важность этого направления государственной национальной политики, они считают, что поддерживать этнокультурные объединения с точки зрения организации их работы, прежде всего связанной с проведением межкультурных фестивалей и праздников, должно главным образом правительство области.

При этом почти две трети опрошенных положительно оценивают управленческую деятельность правительства области в этой сфере. Однако треть респондентов отмечают, что этнокультурные потребности учитываются в системе управления, но им не уделяется особого внимания. По их мнению, это связано с тем, что вопросы повседневного развития культур, например поддержка этнокультурного образования в школах, содействие в изучении родного языка, должны находиться в компетенции прежде всего этнокультурных организаций. Половина опрошенных управленцев (53,8%) отмечают, что родители детей в местах компактного проживания этнических групп заинтересованы в развитии этнокультурного образования в школах. Однако 82,1% из них считают, что образование в школах должно соответствовать универсальному федеральному стандарту и поэтому правительство области не должно финансировать этнокультурное образование. Кроме того, 64,1% управленцев полагают, что развитие этнокультурного школьного образования, включая изучение родных языков, может в перспективе вызвать обострение межэтнических отношений, поскольку оно будет способствовать ослаблению государственно-гражданской идентичности (41%).

Следует подчеркнуть, что опрошенные муниципальные служащие, которых в силу их профессионализации можно рассматривать как экспертов в предложенном комплексе вопросов, указали, что ключ к повышению эффективности государственной национальной политики лежит в сфере регулирования экономических и правовых отношений. Так, 64,1% респондентов на 1-е место поставили необходимость реального повышения уровня и качества жизни основной массы населения; на 2-е место (41%) – необходимость усиления правового контроля за правонарушениями и обеспечение неотвратимости наказания; на 3-е место (33,3%) – создание рабочих мест и преодоление безработицы; на 4-е место (30,8%) – необходимость ужесточения наказания за пропаганду идей, разжигающих межрелигиозную и межэтническую рознь. В то же время деятельность органов государственной и муниципальной власти в сфере формирования государственно-гражданской идентичности, а также организации взаимодействия этнических групп, создание различного рода условий, способствующих их культурной интеграции, не являются приоритетными направлениями у управленцев сельских муниципальных организаций.

В целом анализ реализации Стратегии государственной национальной политики на региональном уровне с позиции выявления представлений муниципальных служащих о целях и направлениях этой политики показывает, что только часть из них адекватно воспринимают содержание этой политики и ценностного поворота в ней, связанного с необходимостью организации диалога между представителями органов власти, этнокультурных сообществ, политических и общественных организаций.

В условиях относительной стабильности в межэтнических отношениях в регионе управленческая деятельность в этой сфере в целом носит «реактивный» характер и актуализируется преимущественно в ситуациях, требующих поиска компромиссов в преодолении межэтнической напряженности и предупреждения межэтнических конфликтов.

При декларативной поддержке идеи развития этнических культур народов, проживающих в регионе, тем не менее, сохраняются стереотипные представления о том, что развитие этнических культур будет способствовать ослаблению государственно-гражданской идентичности и усилению межэтнической напряженности.

Вместе с тем задачи, связанные с повседневным укреплением государственно-гражданской идентичности на уровне организации диалога и взаимодействия

государственных и муниципальных органов власти с другими акторами в сфере гармонизации межэтнических отношений, находятся на периферии управленческой деятельности.

Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Список литературы

Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. 2016а. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики. — *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*: научный и социокультурный журнал. № 6. С. 118-130.

Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. 2016б. Развитие этнических культур как инструмент национальной политики на Юге России: по материалам социологического опроса. — *Социально-гуманитарные знания*. № 12. С. 9-18.

Волкова А.В. 2013. *Публичные ценности и система государственного управления в России*. СПб.: Изд-во СПбГУ. 384 с.

Губогло М.Н. 2000. *Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений*. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 503 с.

Денисова Г.С., Клименко Л.В. 2012. *Этнокультурный механизм конструирования конфликтности: опыт кейс-стади в полиэтнических районах Ростовской области*. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. 206 с.

Денисова Г.С. 2016. Ценностная политика Российской Федерации в сфере гармонизации межэтнических отношений. — *Социально-гуманитарные знания*. № 7. С. 164-170.

Зорин В.Ю. 2003. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002). — *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. VI. № 3. С. 122-154.

Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. 2014. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации. — *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М.: ИЭА РАН. Вып. 236.

Коровникова Н.А. 2013. Аксиологические аспекты государственного управления. — *Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник*. Вып. 8. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН. С. 68-71.

Лубский А.В., Посухова О.Ю. 2016. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России. — *Власть*. № 8. С. 39-47.

Тишков В.А. 2001. *Этнология и политика*. Научная публицистика. М.: Наука. 240 с.

Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: монография (отв. ред. Ю.Г. Волков). 2015. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 316 с.

Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. 2006. New Public Management Is Dead – Long Live Digital-Era Governance. — *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 16. Iss. 3. P. 467-494.

Kilburn W.H. 2009. Personal Values and Public Opinion. — *Social Science Quarterly*. Vol. 90. Iss. 4. December 2009. P. 868-885.

Moore M. 1995. *Creating Public Value: Strategic Management in Government*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 402 p.

Witesman E., Walters L. 2013. Public Service Values: a New Approach to the Study of Motivation in the Public Sphere. — *Public Administration*. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/padm.12000/pdf> (accessed 22.04.2013).

VOLKOV Yuriy Grigor'evich, *Dr.Sci. (Philos.)*, Professor; Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; infoippk@sfedu.ru); Honored Worker of Science of Russian Federation

DENISOVA Galina Sergeevna, *Dr.Sci. (Soc.)*, Professor; Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; denigs@aaanet.ru)

LUBSKY Anatoliy Vladimirovich, *Dr.Sci. (Philos.)*, Professor; Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344006; n_lav@mail.ru)

REGULATION OF INTER-ETHNIC RELATIONS: THE FORMATION OF VALUE POLICY AND REGIONAL PRACTICES OF MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

Abstract. Regulation of interethnic relations in modern Russia assumes the transition to value politics based on dialogue of representatives of the state and municipal authorities, ethnic groups and national communities. A sociological analysis of regional practices related to the implementation of the Strategy of State National Policy in the Russian Federation until 2025 allows concluding that management activities in the field of inter-ethnic relations is reactive and declarative. The authors mention the maintenance of persistent stereotyped views that the development of ethnic cultures will contribute to weakening the state-civil identity and increasing ethnic tensions.

Keywords: inter-ethnic relations, value policy, regional governance practices, administrative model of national policy, communication model of national policy
